

Памяти черноморских казаков, потомков казаков запорожских и в частности казачьих родов Ревиных (Рева), Сусловых и Колбаса посвящается.

По пластам хамылять не впервой,
Схроны в плавнях тайком паковать
И гулебить в ночи под луной —
Пластунам не к лицу горевать.

Глава 1

СПОЛОХ

1.1

— И куда вырядился? — спросил старый казак, глядя, как молодые парубки, лихо свистя и удало вертясь, загоняют табун в реку, спасая коней от полуденного зноя. Две девки на мостках, что простировали белье, смеясь, подначивали молодых юношей. Казак прищурил глаза и узнал Марфу, дочку куркуля Емельяна, и помощницу ее хохлушку Марийку. Обе красавицы, похожи, как сестры, чернобровые, веселые, любят поскалиться, а сейчас еще белыми ноженьками сверкают. Такие кого хочешь с панталыку собьют.

Старый казак помахал в их сторону плеткой, больше для приличия, чем с угрозой, чем вызвал новую волну смеха у девок, и спрыгнул с коня, отпуская жеребца к водопою, а сам, прячась в тени дерева, пристально по привычке оценил обстановку. Парубки на веселые шутки реагировали слабо, четко выполняя наказ, но пройдет время, и они своего не упустят — дело-то молодое. Да и хохлушка Марийка такого шанса не упустит и уж покрасуется лишний раз.

— Да дядько Михайло! — воскликнул Василь и стукнул по луке седла кулаком то ли в досаде, то ли назойли-

вую муху прогоняя. — Да я понимаю, что наряд, и провинился я знатно — гульнул, не подумав, и говорил много, и кулаками махал, но и вы поймите — мне такой шанс грех упускать!

— Ишь ты, как запел! Когут, да и только! Прямо так и грех?

— Да сам сотник Билый сегодня джигитовку принимает. Как удаль не показать? Он же лучших в чет отберет.

— А ты свою удаль вон Марийке покажи! — предложил старый казак. — Смотри, как девка старается.

— Да вечером и покажу, — отмахнулся Василь, — а сейчас отпусти на джигитовку. Ну что я — хуже других? Дело-то плевое, парубки дывись как справляются!

Старик отхлебнул из баклажки; прав Василь, табун уже весь загнали, самому делать нечего, без его команды управились, а приказному такое наказание хуже смерти, когда все на джигитовке, а ты тут...

— Ладно, двигай давай, заверни только в крепостицу, подхорунжему Гамаюну доложишь, что я отпустил. И чтоб дид Трохим ко мне сегодня вечером пришел, у меня вишневка готова! Ох и заспиваем! — Казак возбужденно потер руки. — До утра! А то пока и не охрипнем.

— Дядька Михайло! Век не забуду! — Конь под казак сразу и разворот начал делать. — И дидык с радостью к вам придет! Все передам!

— И чтоб первое место занял! — уже крикнул в спину. — Не посрами фамилию!

— Я мигом! Обернусь — и не заметишь! — прокричал Василь, оборачиваясь и расплываясь в широкой улыбке. И пыль столбом, а когда осядет — и след исчезнет. Жарко этим летом. Спасу нет.

Дядько Михайло покачал головой, потом еще раз, когда на мостки посмотрел, где молодые девки продолжали белье полоскать и зубоскалить с парубками, и присел в примятую траву, тоже решив от зноя схорониться под раскидистыми раинами*.

* Раины — пирамидальные тополя.

Затих стук копыт. Пронесся овод, жужжа у лица, и казак лениво отмахнулся от него. Даже голоса молодежи стали приглушенными, разморило на сон. Глотнуть еще водицы кирницы* Трех святых, что дольше всех холод сохраняет, да вздремнуть полчаса, а то и часик — без него не уедут. Зной забирал последние силы.

Рука потянулась, но не нашла баклажку.

Странно.

Дядько Михайло зашарил вокруг себя руками, изогнулся, дивясь, куда мог по старости баклажу сунуть и забыть, и замер в полусогнутом состоянии. Из кустов на него лицо смотрело — темное, смазанное, тряпичей обмотанное. Казак дернулся к оружию, набирая в грудь воздуха для крика тревожного, но чья-то жесткая рука сзади обхватила, рот пережимая. По горлу чиркнула сталь острая, и рубаху стало горячим заливать. Дядько Михайло еще трепыхался в крепких руках, как из кустов, где лицо страшное привиделось, горец быстро появился и, резко взмахнув кинжалом, всадил его в грудь старого казака по самую рукоятку.

Тело сразу обмякло. Абреки, уложив казака в траву, переглянулись. Один коротко свистнул, и из кустов стали выходить вооруженные горцы.

— Да шо ты скалишься, скаженный! — Марийка замахнулась выжатым бельем в сторону молодого вертлявого казачка, что вертелся на крупе рослого жеребца. Остер малый на язык оказался, вон и Марфа покраснела. — Я зараз тебе так дам! Вот выберешься из воды!

Сухой выстрел разнес забияке белую голову. Конь дико всхрапнул, когда тело мертвого мальчишки упало рядом, разбрызгивая воду.

Раздалось еще несколько выстрелов. Марийка от испуга побледнела, опустила в руках белье и выронила его в воду. Наволочка развернулась и поплыла по поверхности белым квадратом. Привел в чувство истошный крик Марфы, обернулась посмотреть и обмерла еще больше — по подмосткам к ним бежали два черкеса.

* Кирница — колодец.

— Прыгай! — закричала Марийка, ныряя в реку. Хозяйская дочь обернулась к ней, испуганно руки заламывая и поднося к лицу, и вспомнилось сразу, что плавать не умеет. «Лучше утопнуть, чем к черкесам», — вихрем пронеслось в голове, и Марийка нырнула поглубже. Горная ледяная вода, прогретая хорошо только сверху и на мелководье, обожгла холодом глубины.

Видно, такая мысль посетила не только ее, но не успела Марфа, дернулась — и схвачена оказалась. Абрек вдогонку Марийке разрядил револьвер, подождал для приличия, когда тело всплывет, или воздуха не хватит, и сама появится.

Не всплыла. Такой результат тоже устраивал. Попал, значит, а там девчонка, может, за корягу зацепилась или водяной шайтан^{*} утащил — их здесь много водится. Старший брат закинул казачку на плечо и гортанно прикрикнул, на табун указывая, где уже остальные управлялись, но помощь все равно нужна была. Аллах послал большую добычу! Уйти теперь надо с ней! И они оба заторопились на берег, обратно к своим.

Марийка плыла под водой, подальше от страшного места. Грудь огнем полыхала, но девушка не решалась всплыть. Руки стали рвать осоку, вот и камыши. Осторожно всплыла для глотка чистого воздуха и дальше поплыла под водой. Сердце билось набатом. Все казалось, что схватит сейчас абрек за пятку да вытащит на берег. Всплывала еще два раза, прежде чем на третий наконец решила вынырнуть полностью. В камышах заходила, не в силах отдышаться, смотрела сквозь острые листья, как табун угоняли и Марфушку в полон забрали, и губы тряслись в немом крике: «Беда. Ой беда!» Как же проворонили бандитов? Как пройти они сумели? Или вырезали ближайший пост?

Ей казалось, в воде просидела вечность. Боялась пошевелиться. Икру правую огнем жгло и тысячу иголок кололи. Растирала и внимательно смотрела по сторонам. Солнце стало опускаться и не так жарить. Мимо ужик

* Шайтан — черт, дьявол.

проплыл, комары начали заедать, стрекозы запорхали — успокоился мир вокруг.

— Беда, ой беда, — всхлипнула Марийка. Насколько хватило сил быстро проплыла, потом устремилась к берегу, теперь уже не таясь, помощи искать.

Ноги скользили по глиняному обрывчику, когда выбиралась. Помогала руками, цепляясь за длинные стебли травы. Сердце бешенное колотилось от нахлынувшей тревоги.

Марийка выбежала на тракт. Заметалась у развилки: куда бежать? В станицу или в крепостицу? На заставу страшно — там брод, и туда черкессы погнали табун, по-другому им никак. Но вдруг мимо прошли? И тогда срочно сигнал надо подать, без нее же не справятся и не увидят опасность.

Не зная, что делать, Марийка, слабость почувствовав, села у дороги и громко заплакала навзрыд. Страх сковал тело, колени с трудом согнулись. На голые белые ноги пыль и соринки налипли. Теперь из-за них и не увидеть красоту, от такой горькой мысли Марийка разрыдалась еще больше. Что же день такой невезучий и пакостный!

Со звонким щебетанием низко пронеслась стайка ласточек. Встревоженные и возбужденные, они закрутились рядом и унеслись в высь голубого неба. Легкий ветерок принес запах дыма.

Девушка встрепенулась, голову поднимая. Над плавнями поднимались темные столбы. Сначала в одном месте, потом в другом, и вот уже по цепочке передались всем.

— Увидели, увидели! — зашептала Марийка, резко поднимаясь. Колени тут же согнулись от слабости, но она устояла.

Ломая кусты, на тракт к развилке вылетел всадник. Девушка попяtilась, вскрикивая от неожиданности, но бежать и хорониться было уже поздно.

«Вот и поймали!» — пронеслась отчаянная мысль в голове. Она подняла руки ко рту, душа в себе крик отчаяния.

Но всадник, увидев ее, поднял коня свечкой и загарцевал.

— Марийка! — закричал казак. Девушка узнала его по голосу, в глазах туманилось, и образ расплывался, не поверила:

— Василий?!

— Где дядько Михайло? — приказной усмирлял разгоряченного коня.

— Нэма. — И хоть и не видела смерти старого казака, не сомневалась в словах. Казак понял с полуслова:

— И парубки? — голос Василя сразу охрип.

Девушка снова кивнула и разрыдалась.

— Ой беда!

— Я к сотне, на джигитовку! Подхорунжий Гамаюн с бончуком послал, сам оборону занимает, так посыльный сказал, мне бончук передал, а сам обратно на заставу в крепостицу поскакал! Говорит, не может бросить братьев. Как же так, Марийка? А я... я... бросил!

— Ой беда, беда.

Казак встряхнул головой, женские причитания только в чувства привели. Потом ответит за проступки. Кровью искупит. Сказал уже быстро:

— Через Гамаюна, видно, табун погонят, Там брод и к аулу прямая дорога! Беги в станицу. Хоронись! Пора мне.

— Василь, не бросай меня! Я не хочу, как Марфа, в полоне оказаться! Вдруг еще рыщут абреки рядом!

— Марфа?! Жива?! Так ее не убили? Ее взяли?!

Марийка закрутилась возле коня, и тот недобро всхрапнул, скалясь, и тут же попятился, сдерживаемый хозяином.

— Марфушку, родненькую, схватили и увезли! Забери меня с собой!

— Не до тебя, дуреха. Прости. — Казак стеганул коня и сразу послал в галоп.

Девушка провожала его взглядом, не ведая, что дядько Михайло, послав приказного к Гамаюну с докладом, тем самым спас казака от верной и неминуемой гибели.

Не знал об этом и Василь, скача во весь опор, выполняя следующий наказ подхорунжего, но в душу его нет-

нет да и закрадывались мысли, долго ли в крепостице казаки будут держать оборону. К ним наверняка уже спешат и одиночки пластунов-охотников, и тройки — взаимовыручка всегда на первом месте, но основную подмогу может только он привести.

Надо торопиться.

1.2

Билый проснулся, когда первые солнечные лучи выглянули из-за зубчатой гряды дальних гор. В хате еще царил полумрак. Сотник перекрестился на образа, аккуратно стоявшие в красном куте, освещаемые тусклым светом небольшой лампы.

На ум пришли стишки деда Трохима, которыми тот старость свою украшал и делал жизнь другим интересней:

В хату медленно входи,
Шапку с головы сними.
Образам ты поклонись,
На красный кут перекрестись.
И скажи прям у порога:
Спаси Христос и Слава Богу.

Мягкой кошачьей поступью он прошел к двери и вышел наружу. Крутило всего, давно так душу не свербило. Старый кобель на привязи вылез из будки, вытянулся, приветливо замахал куцым хвостом, заскулил щенком.

Микола свел брови — не до него. Пес сел и отчаянно зашкрябал ухо задней лапой, все так же преданно поглядывая на хозяина, ловя хоть намек на приветствие.

— Не до тебя, старый. Прости.

Пристально посмотрел на дальнюю гряду гор, где располагались черкесские аулы. Непокойно было на душе. Необъяснимое чувство волнения, понять которое возможно лишь казачьей чуйкой, закралось в сознание. Что же так тревожит? Неясно, нет ответа. Тишина какая-то странная.

Взмахнув рукой, как будто нанося рубящий удар шашкой, Билый втянул громко прохладный утренний

воздух, наполнив легкие свежестью. Домом пахнет. Спокойно все вроде, может, показалось?

Скрипнула дверь.

— Микола! Яичницу будешь? — Брательник смотрит из-под чуба вопросительно, стоя в проеме двери.

— Ни.

— Точно не оставлять?

— Ни, кажу.

— Дэвись. — Мишка пожимает плечом — ему больше достанется — и скрывается в кухоньке.

Умывшись холодной водой, сотник наскоро поутреневал стаканом айрана* и куском каймака**. Младший брат Мишка встал раньше, уже на ногах, и сейчас уплетал аппетитно яичницу. Для него еды много не бывает. Хороший возраст. Уже парубок. Со своими братьями на кабанчика собрался идти охотиться.

Миколу же не до развлечения, предстояло сегодня принимать своего рода экзамен. Те месяцы, которые он потратил на обучение молодых казаков мастерству джигитовки, дали свои результаты. Какими они будут, предстояло выяснить сегодня. Билый надел шаровары и бешмет***, поверх бешмета черную черкесску. Затянул кавказский пояс, закрепив на нем кинжал и шашку, отороченные серебром. Обул мягкие ичиги**** и вышел на баз седлать своего коня.

Раннее утро в станице наполнилось стуком конских копыт, оставляющих четкие сакмы***** по шляху, ведущему к реке. Около сотни молодых казаков, смешивая дорожную пыль с утренним туманным воздухом, с гиком проскакали к окраине станицы. Там, у берега реки Марты,

* Айран — кисломолочный продукт у народов Кавказа.

** Каймак — творог.

*** Бешмет — длинная рубаха, типа легкого кафтана, носится отдельно с шароварами в быту или же под черкесской.

**** Ичиги — сапоги из мягкой кожи с тонкой подошвой и специальной формой голенища. Распространены у горских казаков (терских и кубанских) и у кавказских народов.

***** Сакмы — у это следы конских копыт на дорожной пыли.

притока Кубани-матушки, была оборудована площадка, где регулярно проходили занятия по джигитовке.

Любовь к лошадям у казаков, как и у их соседей черкесов, передавалась из поколения в поколение. Ведь конь для казака был и остается не просто средством передвижения, а как союзник, боевой товарищ. С малых лет батяка приучал казачонка как будущего воина к коню. В три года, приняв обряд посадки на коня, казаченок постоянно следовал за отцом, помогая ему в уходе за лошадыю и ее седловке. И не было времени радостнее для любого молодого казака, когда ему разрешалось принять участие в джигитовке. Скачка, во время которой, всадник демонстрирует свою ловкость, смелость, отвагу, высокое мастерство владения лошадыю, рождало не сравнимое ни с чем чувство свободы, полета, которое досталось казакам от их далеких предков и жило в них на генном уровне.

Казаки-черноморцы, которыми была заселена станица Мартанская, — прямые потомки запорожцев — сильно отличались от казаков других войск. Как и их предки, черноморцы являлись одновременно пластунами и верховыми, моряками и артиллеристами. Им часто приходилось нести два или даже три вида военной службы, исходя из требований местности или обстоятельств. Поэтому обучение военному делу велось многопланово.

Сегодняшний день обещал быть интересным и праздничным. Молодым казакам, освоившим мастерство джигитовки, не терпелось показать свою удаль. Присутствие станичного атамана и стариков добавляло торжественности в действо.

Смысл джигитовки состоит в самом ее названии, происходящем от тюркского «джигит» — лихой и квалифицированный всадник (наездник). Джигитовка всегда практиковалась как боевое искусство и казаками, и их соседями — черкесами. Несмотря на кавказское происхождение слова «джигитовка», практическое его наполнение сугубо казачье. Именно казаки, отличаясь высоким инди-

видуальным боевым мастерством, перенимали и развивали самые лихие и эффективные боевые приемы у народов, с которыми они дружили или воевали. И для молодых казаков джигитовка была и остается обязательной.

Традиционно джигитовку разделяли на обязательную для всех казаков, исполняемую с оружием и походным व्यюком, и на вольную, которая может быть без оружия и व्यюка.

Площадка была разделена соответственно. Справа, ближе к реке, была оборудована полоса по обязательной джигитовки, в программу которой входили стрельба с коня и рубка чучел, поднимание предметов с земли, подъем на коня пешего товарища, увоз раненого одним или двумя всадниками, соскакивание и вскакивание на коня на карьере. Левая полоса была предназначена для вольной джигитовки, упражнения которой делились на джигитовку с пикой, умение положить коня на карьере, скачку одвуконь и триконь с пересадкой с одной лошади на другую, скачку группами, скачку стоя, скачку вниз головою, переворачивание на карьере лицом назад и скачку сидя задом наперед, расседывание коня на скаку.

После разделения казаков на две полусотни и построения сотник Билый на своем ахалтекинце подъехал к станичному атаману, восседавшему на рыжеватом дончаке, и отрапортовал о готовности. Атаман, поздравив казаков, дал команду, и соревнования по джигитовке начались.

По причине раннего часа из зрителей присутствовали старики. Они сидели, как и водится у казаков, на почетных местах, откуда просматривалась вся территория. Бывалые вояки. Седоволосые с длинными бородами, в потертых черкесках, которые украшали «Георгии», они оценивающими взглядами сопровождали проносящихся перед их лицами в карьерном галопе наметом казаков. По их лицам читалось, как тот или иной парубок справился с поставленной задачей.

У плетня, что огораживал участок территории, на котором джигитовали казаки, стояли три человека. Это были мугари, как их называли казаки, — работники,

в основном из хохлов, нанимавшиеся на летне-осенний период к казакам. Эта тройца с нескрываемым восторгом наблюдала за тем, как молодые казаки ловко рубили лозу, пролетая наметом, склонялись до земли, стреляли на ходу из лука. Для них, иногородних чужаков, все это было в диковинку.

— Лихо-то как!

— Добре!

— От гарные хлопчики! — то и дело восхищенно раздавалось среди хохлов.

Казаки с легкой надменностью относились к чужакам, считая их людьми зависимыми. Это качество характера они унаследовали от своих предков — запорожских казаков, для которых свобода и честь были превыше всего.

Старики, сидя рядом, довольно бойко обсуждали то, как молодежь справляется с элементами джигитовки. Вспоминали годы своей былой воинской славы, когда рубили черкесов и турок, не страшась смерти.

Самый молодой из них, дед Трохим, разменявший на Покров свой седьмой десяток, заметив у плетня трех работников, улыбнувшись, довольно громко произнес:

— Гамсэл, гамсэл. Привязан до ясэл. Яслы усохли, уси гамсэлы здохлы. — Старики, довольные шуткой деда Трохима, улыбнулись, поглаживая седые бороды: «Добрэ. Цэ так наши диды шутковалы. Ну и мы трохи пошуткуемо».

— Ну кто так стреляет? — спрашивал дед Трохим, когда началась стрельба с коня. — Эх, Василя моего нет. Я своего внука сам учил!

Старики и здесь посмеивались, не веря печали товарища, потому что все молодые казаки на джигитовке стреляли отменно.

Сотник Билый, сидя в седле как влитой, с легкой улыбкой удовлетворения цокал языком на черкесский лад.

— Молодцы! Орлами смотрите! — Он был доволен тем, как подготовил молодежь. Был доволен и станичный атаман, показав жестом Билому — добрые хлопци.

Солнце заняло место в зените. Было жарко. Легкая прохлада долетала с реки. Казакам оставалось пройти по-

следние препятствия вольной джигитовки. Билый прислушался. Ему показалось, что на дальней залоге стреляли. Он осмотрелся. Над пикетом, что ниже по течению Марты, поднималась тонкая струйка черного дыма.

— Вот и первый знак, — пробормотал Микола и скрипнул зубами — не подвела чуйка сотника.

«Тревога. Черкесы!» — мелькнула мысль. И почти сразу навстречу ему галопом выскочил казак из охранения с бунчуком в руках.

— Да то ж Василь, внук мой! — выдохнул дед Трохим, привставая со своего почетного места. — Никак случилось что-то.

Подскакав к сотнику, приказной выдохнул:

— Черкесы. Верховые. Человек около ста. Увели косяк лошадей и направляются в аул. Если пойти через горы, успеем нагнать.

— Скачи в станицу, — приказал Билый. — Сполох!*

1.3

— Гонят! — закричал дозорный с вышки.

Подхорунжий Гамаюн кивнул, сам слышал нарастающий шум — стук сотни копыт и гортанные крики горцев; урядник, тут же поняв посыл, закричал:

— Занять оборону!

Семь казаков, вооруженные винтовками и личным холодным оружием — шашками и кинжалами, залегли в амбразурах двойного плетня. У землянки копошился прикомандированный канонир, колдовал над старой горной мортирой — единственный сигнальный заряд он собирался использовать с максимальной выгодой. Посмотрел на подхорунжего, кивнул — все в порядке, готов и ждет команды.

Гамаюн улыбнулся, не время горевать о нехватке зарядов, надо черкесов не просто остановить, но и сковать, навязав бой. Не дать им пройти наскоком и увести табун. Зная горцев, подхорунжий был уверен, что те не упустят

* Сполох — тревога.

такого шанса, как снести пограничную крепостицу: разрушить до основания землянку, снести плетни, порубить заставщиков. Обладая численным превосходством, передовые отряды непременно атакуют, пока остальные попытаются провести через брод табун.

Гамаюн не сомневался в составе казаков: молодежь вся обстрелянная, урядник опытный, даже канонир не выглядел сильно испуганным, а ведь сейчас будет сеча, и кровь непременно прольется. Добрался ли вестовой до места? Смог передать бончук с наказом? Сейчас бы как пригодился — стрелял всегда отменно, первым был в залогах, таясь с винтовкой, и зря патроны не переводил, меняя их на чужую жизнь со счетом один — один.

Теперь самое главное.

Смогут ли они продержаться до прихода станичных? Должны и обязаны.

Подхорунжий быстро проверил свою английскую винтовку, добытую на Балканской войне, засылая патрон в ствол. Безукоризненная, она никогда не подводила, вытерпит и сейчас.

— Видишь те три раины?

— Так точно, господин подхорунжий.

— Мортира когда-то до них была пристреляна. Как только поравняются, пли. И ховайся в землянке, из нее будешь стрелять.

— Есть!

— Добре. — Гамаюн кивнул, снял папаху и вытер вспотевший лоб. Дозорный с вышки проворно спустился на землю и занял свое место у амбразуры в плетне.

Земля под ногами начинала дрожать под далеким конским топотом.

— Добре, — еще раз сказал казак и захотел испить студеной воды, такой, чтоб зубы свело и горло заболело. Урядник тихо и внятно стал проговаривать молитву пред боем, и все стали креститься, глядя, как на них в клубах пыли приближается группа черкесов. Улюлюкая и завывая дикими собаками, они подбадривали друг друга, потрясая длинными пиками для разбора плетней.